

Юлия

Друнина родилась 10 мая 1924 года в Москве. Отец — учитель истории, мать — Матильда Борисовна, работала в библиотеке и давала уроки музыки. Жили в коммуналке, бедно. С 1931 Юля училась в московской школе № 131, где преподавал её отец.

С детства она любила читать и не сомневалась, что будет литератором. В 11 лет начала писать стихи. Посещала литературную студию при Центральном Доме Художественного воспитания детей, помещавшуюся в здании Театра юного зрителя.

После начала Великой Отечественной войны, в семнадцатилетнем возрасте Юлия Друнина записалась в добровольную санитарную дружину при РОККе (Районное общество Красного Креста), работала санитаркой в глазном госпитале. Окончила курсы медсестер.

В конце лета 1941 года, с приближением немцев к Москве, была направлена на строительство оборонительных сооружений под Можайском. Там, во время одного из авианалетов, она потерялась, отстала от своего отряда, и была подобрана группой пехотинцев, которым была очень нужна санитарка. Вместе с ними Юлия Друнина попала в окружение и **13 суток пробиралась к своим по тылам противника**. Именно в этом пехотном батальоне — вернее, в той группе, что осталась от батальона, попавшего в окружение, — Юля встретила свою первую любовь, самую возвышенную и романтическую. В стихах и в воспоминаниях она называла его Комбат — с большой буквы, но нигде не упоминала его имени, хотя память о нем пронесла через всю войну и сохранила навсегда. Уже в самом конце труднейшего пути, при переходе линии фронта, когда в группе оставалось всего 9 бойцов, командир батальона подорвался на противопехотной mine. Вместе с ним погибли еще двое бойцов, а Друнину сильно оглушило.

Оказавшись снова в Москве осенью 1941, Юлия Друнина вскоре вместе со школой, в которой директором был ее отец, была эвакуирована в Сибирь, в Заводоуковск. Ехать в эвакуацию она не хотела и согласилась на отъезд только из-за тяжелобольного отца, перенесшего в начале войны инсульт. Отец умер в начале 1942 года на руках дочери после второго удара. Похоронив отца, Юлия решила, что больше ее в эвакуации ничто не держит, и уехала в Хабаровск, где стала курсантом Школы младших авиационных специалистов (ШМАС).

Через некоторое время девушкам — младшим авиаспециалистам объявили, что их вместо отправки в боевые части переводят в женский запасной полк. Перспектива оказаться вдали от фронта казалась для Друниной ужасной. Узнав о том, что девушек-медиков, в порядке исключения, все-таки направят в действующую армию, она спешно нашла свое свидетельство об окончании курсов медсестер и уже через несколько дней получила направление в санитарное управление 2-го Белорусского фронта.

По прибытии на фронт Юлия Друнина получила назначение в 667-й стрелковый полк 218-й стрелковой дивизии. В этом же полку воевала санинструктор **Зинаида Самсонова** (погибла 27 января 1944 года, посмертно удостоена звания Героя Советского Союза), которой Друнина посвятила одно из самых проникновенных своих стихотворений "Зинка".

В 1943 Друнина была тяжело ранена — осколок снаряда вошел в шею слева и застрял всего в паре миллиметров от сонной артерии. Не подозревая о серьезности ранения она просто замотала шею бинтами и продолжала работать — спасать других. Скрывала, пока не стало совсем плохо. Очнувшись уже в госпитале и там узнала, что была на волосок от смерти. В госпитале, в 1943 году, она написала свое первое стихотворение о войне, которое вошло во все антологии военной поэзии:

*Я столько раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

После излечения Друнина была признана инвалидом и комиссована. Вернулась в Москву. Попыталась поступить в Литературный институт, но неудачно - ее стихи были признаны незрелыми. Не попав в институт, оставаться, в Москве Юля не захотела и решила вернуться на фронт. Воевала в Белорусском Полесье, затем в Прибалтике. В одном из боев была контужена и 21 ноября 1944 года признана негодной к несению военной службы. Закончила войну в звании старшины медицинской службы. За боевые отличия была награждена орденом **Красной звезды** и медалью **"За отвагу"**. Пережитое на войне стало отправной точкой в развитии поэтического мировосприятия Друниной и сквозной темой ее творчества.

В декабре 1944 года Юлия Друнина снова возвращается в Москву. Несмотря на то, что шла уже середина учебного года, она сразу же пришла в Литературный институт, и стала посещать занятия первого курса. Выгнать инвалида войны никто не решился.

Юлия Друнина трагически ушла из жизни 20 ноября 1991 года.

Читайте в наших библиотеках:

- Друнина, Ю. В. Стихотворения / Друнина Ю.В. - М : Эксмо, 2003. - 384с
- Друнина, Ю. В. А люблю я, как любят поэты / Ю.В.Друнина. - М : Эксмо, 2006. - 352с. - (Поэтическая б-ка).
- Друнина, Ю. В. Стихотворения / Ю.В.Друнина. - М : Эксмо, 2005. - 384с.
- Друнина, Ю. В. Неповторимый звёздный час / Юлия Друнина. - М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. - 384 с.

Составитель: Шакирова О.Б., зав.ОБР

Центральная городская библиотека
Отдел библиографической работы

Наш последний поклон:

Юлия Друнина

Миасс
2014

БАЛЛАДА О ДЕСАНТЕ

Хочу, чтоб как можно спокойней и суше
Рассказ мой о сверстниках был...

Четырнадцать школьниц –
 певуний, болтушек -
В глубокий забросили тыл.

Когда они прыгали вниз с самолета
В январском продрогшем Крыму,
"Ой, мамочка!" - тоненько выдохнул кто-то
В пустую свистящую тьму.

Не смог побелевший пилот почему-то
Сознание вины превозмочь...
А три парашюта, а три парашюта
Совсем не раскрылись в ту ночь...

Оставшихся ливня укрыла завеса,
И несколько суток подряд
В тревожной пустыне враждебного леса
Они свой искали отряд.

Случалось потом с партизанками всяко:
Порою в крови и пыли
Ползли на опухших коленях в атаку -
От голода встать не могли.

И я понимаю, что в эти минуты
Могла партизанкам помочь
Лишь память о девушках, чьи парашюты
Совсем не раскрылись в ту ночь...

Бессмысленной гибели нету на свете -
Сквозь годы, сквозь тучи беды
Поныне подругам, что выжили, светят
Три тихо сгоревших звезды...

БИНТЫ

Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напряженный и белый,
А я должна приросшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.
Одним движеньем - так учили нас.
Одним движеньем - только в этом жалость...
Но встретившись со взглядом страшных глаз,
Я на движенье это не решалась.
На бинт я щедро перекись лила,
Стараясь отмочить его без боли.
А фельдшерица становилась зла
И повторяла: "Горе мне с тобою!
Так с каждым церемониться - беда.
Да и ему лишь прибавляешь муки".
Но раненные метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.

Не надо рвать приросшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли.
Я это поняла, поймешь и ты...
Как жалко, что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться в школе!

На носилках, около сарая,
На краю отбитого села,
Санитарка шепчет, умирая:
- Я еще, ребята, не жила...

И бойцы вокруг нее толпятся
И не могут ей в глаза смотреть:
Восемнадцать - это восемнадцать,
Но ко всем неумолима смерть...

Через много лет в глазах любимой,
Что в его глаза устремлены,
Отблеск зарев, колыханье дыма
Вдруг увидит ветеран войны.

Вздрагнет он и отойдет к окошку,
Закурить попытаюсь на ходу.
Подожди его, жена, немножко -
В сорок первом он сейчас году.

Там, где возле черного сарая,
На краю отбитого села,
Девочка лепечет, умирая:
- Я еще, ребята, не жила...

ОТ ИМЕНИ ПАВШИХ

Сегодня на трибуне мы -- поэты,
Которые убиты на войне,
Обнявшие со стоном землю где-то
В своей ли, в зарубежной стороне.
Читают нас друзья-однополчане,
Сединами они убелены.
Но перед залом, замершим в молчанье,
Мы -- парни, не пришедшие с войны.
Спят "юпитеры", а нам неловко --
Мы в мокрой глине с головы до ног.
В окопной глине каска и винтовка,
В проклятой глине тощий вещмешок.
Простите, что ворвалось с нами пламя,
Что еле-еле видно нас в дыму,
И не считайте, будто перед нами
Вы вроде виноваты, -- ни к чему.
Ах, ратный труд -- опасная работа,
Не всех ведет счастливая звезда.
Всегда с войны домой приходит кто-то,
А кто-то не приходит никогда.
Вас только краем опалило пламя,
То пламя, что не пощадило нас.
Но если б поменялись мы местами,
То в этот вечер, в этот самый час,
Бледнея, с горлом, судорогой сжатым,
Губами, что вдруг сделались сухи,
Мы, чудом уцелевшие солдаты,
Читали б ваши юные стихи.

Машенька, связистка, умирала
На руках беспомощных моих.
А в окопе пахло снегом талым,
И налет артиллерийский стих.
Из санроты не было повозки,
Чью-то мать наш фельдшер величал.

...О, погон измятые полосы
На худых девчоночьих плечах!
И лицо - родное, восковое,
Под чалмой намокшего бинта!..

Прошипел снаряд над головою,
Черный столб взметнулся у куста...

Девочка в шинели уходила
От войны, от жизни, от меня.
Снова рыть в безмолвии могилу,
Комьями замерзшими звеня...

Подожди меня немного, Маша!
Мне ведь тоже уцелеть навряд...

Поклялась тогда я дружбой нашей:
Если только возвращусь назад,
Если это совершится чудо,
То до смерти, до последних дней,
Стану я всегда, везде и всюду
Болью строк напоминать о ней -
Девочке, что тихо умирала
На руках беспомощных моих.
И запахнет фронтом - снегом талым,
Кровью и пожарами мой стих.
Только мы - однополчане павших,
Их, безмолвных, воскресить вольны.
Я не дам тебе исчезнуть, Маша, -
Песней
возвратишься ты с войны!

КОМБАТ

Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули -
Всегда стрелял без промаха комбат.

Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперед.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шел на пулемет.

Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.

И сотни раз письмо читала людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!

